

КОНЦЕПТ «НЕДОБРОЖЕЛАТЕЛЬНОСТЬ» В ОСЕТИНСКОЙ И РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

¹Зангиева З.Н., ¹Цховребова Б.Ф.

¹Владикавказский филиал ФГОБУ ВПО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Владикавказ, Россия (362021, Республика Северная Осетия-Алания, Владикавказ, ул. Молодежная, 7), e-mail: zangieva_zn@mail.ru

В последнее время все большее внимание специалистов разного профиля привлекают проблемы соотношения языка и культуры, их взаимодополняющей роли в современном обществе, связи языка с социальным и духовно-культурным комплексом времени, отражения в языке культурных ценностей «своей» и «чужой» картины мира. Одно и то же понятие имеет разные формы языкового выражения, в разных языках более или менее полные. Слова разных языков могут различаться разной семантической ёмкостью. Данная работа выполнена в русле лингвокультурологических исследований, которые, в свою очередь существуют в более широком контексте междисциплинарной общегуманитарной сферы кросскультурных разысканий. Статья посвящена концепту «недоброжелательность» в осетинской и русской лингвокультурах. В ней анализируются формулы проклятий и клятвенные выражения на материале двух языков. Упоминание о некоторых идеосемантических типах позволит представить общую картину концепта «недоброжелательность» в определенной полноте.

Ключевые слова: лингвокультурный концепт, фразеология, формулы недобрых пожеланий, сопоставительный анализ, идеосемантические типы.

CONCEPT "ILL-WISH" IN OSSETIC AND RUSSIAN LINGUACULTURES

¹Zangieva Z.N., ¹Tskhovrebova B.P.

¹Vladikavkaz Branch of "Financial University under the Government of the Russian Federation" (Financial University), Vladikavkaz, Russia (362021, The Republic of North Ossetia-Alania, Vladikavkaz, 7 Molodyozhnaya street), e-mail: zangieva_zn@mail.ru

In recent years, many specialists on multidisciplinary problems paid more attention to the problems of language and culture relations, and to their complementary roles in modern society, to the communication of language with social, spiritual and cultural complex of time, to the reflection of cultural values "our" and "foreign" world picture in the language. The same concept has different forms of linguistic expression, in different languages more or less complete. Words of different languages may vary with different semantic capacity. This work was carried out in line with linguacultural studies, which in their turn exist in the broader context of interdisciplinary general humanitarian sphere of cross-cultural researches. The article deals with the concept of "ill-wish" in Ossetic and Russian linguacultures. Ill-disposed formulas and curse phrases in Ossetic and Russian languages are analyzed. Mention of some idiossemantic types gives the opportunity completely imagine the general picture of concept "ill-wish".

Keywords: linguacultural concept, phraseology, ill-disposed formula, comparative analysis, idiossemantic types.

В основе формул недобрых пожеланий лежит недовольство говорящего. Причины этого недовольства могут быть самыми разными: могут быть задеты интересы говорящего (и здесь множество поводов ущемления интересов), неуживчивый характер; зависть или просто плохое настроение. Формы словесного выражения недобрых пожеланий также разнообразны. Но назначение одно – причинить боль или хотя бы неприятность адресату. Правда, в этом отношении формулы данного разряда не одинаковы. Так, проклятия или осетинские *фидистæ* являются самыми жесткими и обидными, тогда как клятвы и осетинские *сомытæ* не всегда задевают адресата и часто обращены даже к самому говорящему.

В своей основной массе формулы недобрых пожеланий хорошо иллюстрируют характер говорящего: его культуру и несдержанность. Эти обороты, являясь средством общения, по своей стилистической и эмоциональной природе занимают особое место среди речевых средств, они граничат с заниженной частью лексики и фразеологии языка. В осетинском быту они часто составляют основное содержание длинной, возбужденной перепалки.

Свою неприязнь говорящий может выразить разными средствами. Словесные выражения этой неприязни составляют отдельный разряд, который, в свою очередь, может охватывать различающиеся между собой типы. Они дифференцируются в первую очередь по назначению: проклятия преследуют одну цель, а клятвы – другую. Если проклятия четко выражают какие-то пожелания, то, например, бранные (которыми обзывается адресат) являются утверждением, как бы констатацией факта. Но и те и другие предназначены для нанесения оскорбления, для выражения своего отрицательного отношения. То же самое и угрозы, которые обещают неприятности адресату в будущем.

В разряд формул, содержащих проклятия входят самые жестокие пожелания. Правда, они не все жесткие, не все одинаковы в этом отношении. Но само их общее название – проклятие, *æлгъыст*, грузинское *сgevla*, английское *damn* – говорит о крайней недоброжелательности, хотя многие формулы этого разряда могут быть и не очень суровыми. В словарях эти два слова объясняются следующим образом: «Проклятие – безусловное и бесповоротное осуждение кого-, чего-либо, свидетельствующее о полном разрыве с кем-, чем-либо, об отторжении (от себя, от общества)». В живой речи слово *проклятие* может звучать даже более строго, чем в этом толковании. Осетинское *æлгъыст* образовано от глагола *æлгъитын*. Этот последний имеет более мягкое значение, чем русское *проклятие* и осетинское *æлгъыст*. Преимущественное содержание слова *æлгъитын* – это ругать, ругаться, т.е. бранить и выражать непристойное и не такое злое, как его эквиваленты в русском.

В один разряд входят, например, формулы *будь проклят* и *будь неладен*, но они по своей жестокости стоят на противоположных полюсах, а между ними расположено много недобрых пожеланий: вместо русского *будь проклят* используется *æлгъыст фау*. Они хорошо соответствуют друг другу по содержанию и по экспрессивности. Одинаково злое, одинаково явно выражают крайнюю враждебность и эмоциональную взвинченность говорящего.

Клятвенных формул в осетинском во много раз больше, чем в русском. Интересно высказывание М.И. Исаева о них: «Наличие в осетинском языке большого числа формул, выражающих различные проклятия, объясняется тяжелыми условиями, в которых жили

осетины раньше. Самый незначительный ущерб, нанесенный небольшому хозяйству горца, приводил последнего в отчаяние, и в адрес виновника извергались фонтаны проклятий, в магическую силу которых люди верили» [6: 44]. В наше время проклятия уже имеют не столько магическое назначение, сколько значение средства причинить боль, оскорбить, унижить, вывести из себя, а также значение средства, при помощи которого можно выплеснуть свою эмоциональную напряженность, освободиться от тех неудержимых чувств, которые теснят, распирают душу. И чем несдержаннее человек на язык, чем ниже его интеллектуальный уровень, тем зловещее, экспрессивнее звучат выбрасываемые им проклятия [10].

Как ни странно, но и в наши дни встречается немало людей (в основном женщин), которые стараются суеверно избегать проклятия определенных лиц (опять-таки чаще всего женщин), лиц, которые вызывают суеверный страх у людей мягкого характера. Есть люди, которые стараются, чтобы им не встретились в начале пути определенные лица, которые имеют «дурной глаз» и могут сглазить. На вере такого характера основывается и русский обычай, перешедший и к осетинам, который рекомендует: «присесть перед дорогой».

Анализ формул, выражающих проклятия, очень трудоемкая задача: их так много (особенно в осетинском) и они так разнообразны, что практически нет возможности характеризовать их исчерпывающе. Они различны по назначению, содержанию, экспрессивности, стилю, по полу и возрасту общающихся, по структуре и т.д. Специфическими особенностями обладает и сам носитель языка и культуры. В общении необходимо учитывать особенности национального характера коммуникантов, специфику их эмоционального склада, национально-специфические особенности мышления [4:33].

Уже говорилось, что самыми жесткими, гневными формулами являются *будь проклят* и *алгыст фау*. Обе они обычно используются без сопровождающих слов и в таком случае не связываются с какими-нибудь силами. Но можно услышать и *будь проклят небом* или *алгыст фау хуыцауæй* «будь проклят богом». Любопытно, что сходные конструкции могут иметь различные степени жестокости. Так *алгыст фау хуыцауæй* и *хуыцау да ралгытаед* «да проклянет тебя бог» являются не только синонимами, но почти одинаковыми по назначению компонентов и тем не менее вторая формула намного мягче первой, хотя содержание обеих одинаково. Слово *алгыст* закрепилось в значении зловещего элемента. Впрочем, это слово имеет разные значения. В русском суровым проклятием является и формула: *да покарает тебя бог*, и эта суровость вносится тяжелым словом *кара*. Эта формула редко употребляется и уместна только в подходящих условиях. В осетинском ей соответствует *хуыцауы фыдаæх ссар* букв. «да обрести тебе гнев божий».

Как отмечалось выше, слова *проклятия*, *cgevla*, *damn* и *æлгыстытæ* объединяют в один класс формулы, выражающие недобрые пожелания кому-то, чему-то. Но надо говорить, что эти формулы не все являются проклятиями в буквальном понимании этого слова.

Выражения типа *типун тебе на язык* или *ну тебя* вряд ли являются проклятиями, хотя и выражают недобрые пожелания. Следовательно, недобрые пожелания различны по степени выраженной в них недоброжелательности. Осетинские *мæ фыдфынтæ да хай* «да достанутся тебе мои дурные сны»; *бах ын у* «да будь ты ему конем»; *уайых фæу* «как тебе не стыдно»; *менаунон фæу* «будь ты неладна» и тому подобные формулы служат для выражения легкого упрека (несмотря на некоторую жестокость в переводах) в устах женщин. Они очень далеки от проклятий – æлгыстытæ.

Таковыми же или почти таковыми же легкими являются русские *иди (пошел) к черту; ну тебя к бесу (черту, дьяволу); к чертям собачьим; чтобы тебе пусто было; ко всем чертям; катись к чертям* и т.д. они уместны и при общении между приятелями, даже молодыми родственниками. Однако при соответствующем тоне эти формулы могут превратиться в очень обидные, оскорбительные выражения, в особенности в адрес чужих или малознакомых людей. По составу компонентов к этим формулам примыкают более оскорбительные *к чертовой матери* или *иди (те) ты (вы) к чертовой бабушке*. Они наполняют эвфемизмы и стилистически относятся к разговорному слою русской речи. В осетинском мало формул, в составе которых используются *хайрæг* «черт» типа *хайрæджы хай фæу* «да стать тебе достоянием черта» или *хайрæджытæ да ахæссæнт* «чтобы тебя черти унесли». Они не очень обидны, но надо учитывать ситуацию: нельзя их употреблять в адрес старших. В русском в сердцах можно послать (к сожалению) *к чертям* и старого человека, потому что это ругань, это брань, тогда как осетинские выражения с *хайрæг* более легкие и в качестве шуточного пожелания непозволительны по адресу старшего.

Как уже говорилось, охватить все проклятия осетинского языка не представляется возможным. Но упоминание хотя бы о некоторых идеосемантических типах позволит представить общую картину в определенной полноте. Например, недобрые формулы, адресованные только к женщине, уже говорят о своеобразии быта и психологии осетин с прошлого до настоящего времени: *номхæссæн фæу* «да обесславиться тебе» (говорят девушке); *саубонай фæбад* (или *саубойнаг фæу*) «сидеть тебе черными днями»; *да амонд басудзæт* «да сгореть твоей судьбе»; *уæзгуытыл баззай* «да остаться тебе под открытым небом»; *саутæ фæдар* «ходить тебе в трауре». Злые языки пожелают старикам: *мардтыкъай фæу (фест)* «превратись в надгробный камень»; *ичъынайы калмау дын мæлæт ма уæд* «да не быть тебе смерти, словно змее ичына». Это пожелание говорит о том, что невозможность умереть в свое время люди считают не благом, а несчастьем. К детям, вообще к молодым

адресуются не только общие для всех формулы, но и специально для них созданные: *да зынг ахуыссаед* (или *зынгхуыст фау*) «да погаснет твой огонь» в значении «умереть» (мальчику, юноше). В этой формуле сохраняется, видимо, отзвук тех далеких времен, когда сохранение огня было равносильно сохранению жизни. Выражения *ма дын бантысаед* адресуется девочке в значении «да не достигнуть тебе». В формуле *царын дын ма бантысаед* уже конкретизируется пожелание: «да не пожить тебе» (букв. «пусть не удастся тебе пожить»); *де мгаерттай фахъу* говорят чаще юноше и означает «выбиться тебе из рядов сверстников»; *ма байраез* «не вырасти тебе» (ребенку); *да мады цур ма лау* является эвфемистическим выражением, а буквально означает «не стой рядом со своей матерью» и др.

В осетинских формулах в отличие от русских, кроме бога, встречаются названия и других божеств. Но чаще всего конечно употребляется *хуыцау* «бог». О русских формулах, в которых упоминается *бог*, говорилось выше. Их не так много. Зато в осетинском они многочисленны: *хуыцауы фыдаех да баййафаед (уад)* «да настигнет тебя божий гнев»; *хуыцауы фыдаех ссар* «да найти тебе божий гнев»; *хуыцау ын ай ма ныббараед* «да не простит ему бог»; *сарра да кәнаед хуыцау* «да лишит тебя разума бог»; *хуыцауы ард да фадыл афтыд фауад* «божья кара да преследует тебя» и много других. Из других небожителей упоминаются только некоторые: *Алардыйы фыдаех ссар* «да найти тебе гнев Аларды».

Интересны такие формулы: *уаллаг да ныццаваед* «пусть ударит тебя сверху» или *аз аелгытын на зонын, фәлае да уаллаг ралгытаед* «я проклинать не умею, но пусть тебя проклянет верхний». Слова *верхний*, *сверху* указывают на бога. Осетины часто употребляют это *уаллаг*, означающее верхний, т.е. того, кто находится там, наверху, употребляют вместо слова *хуыцау*. Такое использование слова *уаллаг* в какой-то мере связано с эвфемистическим содержанием и подчеркивает лишний раз почтение к Всевышнему.

Клятвенные формулы обычно строятся на основе стержневого слова. В русском такими словами являются *клятва*, *клясться*. В осетинском – *ард*, *ард харын* и *сомы*, *сомы кәнын*. Слово *клятва* так толкуется: «Торжественное уверение в чем-либо, торжественное обещание, подкрепление упоминанием чего-либо священного для того, кто уверяет, обещает». Слово *клясться* же объясняется: «Давать клятву, клятвенно уверять в чем-либо, клятвенно обещать что-либо» [8: 78]. Осетинские *ард*, *ард харын* и *сомы*, *сомы кәнын* являются близкими синонимами, но и *ард* и *ард харын* звучат более торжественно, чем *сомы*, *сомы кәнын*. Наверное, этим объясняется то, что *ард харын* больше подходит мужчинам, а женщины в этом значении чаще используют *сомы кәнын*. Любопытно, что оба синонима могут быть использованы в одном предложении. Так, у классика осетинской литературы Сека Гадиева читаем: *Ард дын харын ацы заххай, сомы дын кәнын барзонд*

цъах арвай, куд аз ама ды ацы сьджыт йеддама ничи ахицан кендзэн «Клянусь тебе этой землей, заверяю тебя высоким голубым небом, что кроме могилы никто нас не разлучит» [2: 190]. При употреблении в отдельности эти клятвы на русский язык переводятся одним словом *клянусь*, но если они встречаются в одном предложении вместе, то приходится передавать их разными русскими эквивалентами. Необходимость использования этих двух синонимов вместе вызвана желанием подчеркнуть силу клятвы. В этом предложении обе клятвы производят впечатление равных по содержанию и стилю единиц. Но в речи говорящий хорошо чувствует их разницу. Женщина, убеждая своего собеседника в чем-нибудь, не ошибется и не скажет *ард дын харын стыр хуыцауы раз...*, а предпочтет что-нибудь вроде *сомы дын канын ма иунаг сываллонай...* «клянусь своим единственным ребенком».

Русское *клянусь* и осетинские эквиваленты могут использоваться в речи самостоятельно, без сопровождающих компонентов. Например: - *Не верю тебе. – Клянусь*. В осетинском языке в подобных случаях добавляется местоимение *дын* «тебе»: - *На ма уырны. Ард дын харын* (или *сомы дын канын*).

Вместо этих формул-клятв употребляются и другие средства. Например, при той же ситуации – *Не верю тебе* – можно услышать: *да провалиться мне; ей богу; не сойти мне с места; да лопнут мои глаза; убей меня бог* и др. В осетинском формулы клятв (как и другие формулы) очень разнообразны. В указанной ситуации (*не верю тебе*) употребляются формулы типа приведенных русских примеров: их клятвенное значение понятно только из контекста, сами в отдельности, без контекста они могут означать и что-то другое. В осетинском языке довольно много слов образуют клятвы с постоянным компонентом *стаен*, которое в отдельности ничего не означает. На русский язык переводится словом *клянусь*: *хуыцауы стаен; заххы стаен; абоны стаен; ма мардты цаесгомы стаен; Уастырджийы стаен; ма фыды (мады) стаен* (*хуыцау* «бог», *захх* «земля», *абон* «сегодня», *мардты цаесгом* «лицо умерших», *Уастырджы* «святой Георгий», *мад* «мать», *фыд* «отец») и т.д. Характерно, что из лиц обычно упоминаются уже умершие.

Клятвенные формулы часто связаны с проклятиями: клятвы – это часто те же проклятия, только в другом оформлении, при определенном условии. Но ясно, что они адресованы самому говорящему, последний подвергает себя проклятию при определенных условиях: *не сойти мне с места, если я вру; ма мард мын фен, кад маенг загъын* «да увидеть тебе мою смерть, если говорю неправду». Следовательно, чем больше формул проклятий, тем больше и образованных от них клятв. Великое множество осетинских формул-проклятий дает также множество разных клятв.

Торжественность, эмоциональное воздействие клятвы выше, если упоминается то, чем клянется говорящий. Ср., например, у М.Ю. Лермонтова: *Клянусь я первым днем творенья, Клянусь его последним днем* [7: 48] или: *Цалынма мын сыджытæй ард бахаерай, уалынма дын на баууæндзынаен* «пока ты мне не поклянешься землей, я тебе не поверю». Однако надо отметить, что в торжественности клятвы известную роль играет и стилистическая возвышенность тех слов, которые обозначают то (или того), чем (или кем) клянутся. Приведенные примеры свидетельствуют об этом. Им можно противопоставить, скажем, такую пословицу: *усима ард чи хаеры, уый усы хуызæн у* «кто связывает себя клятвой с женщиной, тот подобен женщине». Впрочем, *клянусь* и *ард хаерын* в любой ситуации сохраняют свою специфику и в сочетании с любыми словами, так или иначе звучат возвышенно.

Было сказано, что клятву произносит обычно первое лицо и клятва связана именно с ним, она его касается, и предполагается, что последствия нарушенной клятвы обрушатся на него самого. Это общее свойство клятв. Но в осетинском языке нередко употребляются и такие клятвы, которые очень необычны по своему построению, в них под угрозой действия клятвы оказывается второе или третье лицо, чаще всего единственного числа. Вот типичный пример: Брат заподозрил свою сестру в непозволительной связи с молодым человеком, и между ними произошел такой разговор – *«Æнхæлдаен, на хо, фахудинаяг ма кодтай? – На, Уари цаера, на. Сыгъдаг, сыгъдаг уарзондзинады ныхас каенам, æндæр ницы»* - Кажется, сестра моя, ты опозорила меня? – Нет, клянусь, Уари (букв. «Уари бы жил»), нет. О чистой, чистой любви говорим, больше ничего». [2: 330].

При втором лице клятва выглядит так: *ды царай, нал дзы баназдзынаен* «клянусь тобой (букв. «жить бы тебе») не выпью больше». Такие формулы настолько фразеологизированы, что не поддаются удовлетворительному объяснению ни на каком языке. В том числе и на своем языке.

Клятвенные формулы имеют свои структурные особенности. Таким образом, они обособляются от остальных формул не только содержанием, не только назначением, но и своим построением, своей грамматической природой.

Список литературы

1. Бесолова Е.Б. Особенности ритуала и текста осетинских бранных формул и проклятий / Известия СОИГСИ. – 2007. – № 1 (40). – стр. 115-122.
2. Гæдиаты Секъа. Азау. – Орджоникидзе: «Ир», 1988. – 504 с.

3. Зангиева З.Н. Проблемы взаимосвязи языка и культуры/Интеграция методич. (научно-методич.) работы и системы повыш. квалиф. кадров. – Челябинск. (15-16.02.2006). С.119-122.
4. Зангиева З.Н. Взаимосвязь языков и культур как основа обучения межкультурной коммуникации / Извест. Самар. науч. центра РАН. – Том 14, № 2, 2012. – С. 32-35.
5. Зангиева З.Н., Цховребова Б.Ф. Некоторые проблемы формирования гражданской идентичности молодежи / Europäische Fachhochschule (European Applied Sciences). – № 8. – (September-October). - Volume 1. – Stuttgart: ORT Publishing, Germany. – 2013 – с.59 - 62.
6. Исаев М.И. Очерки по фразеологии осетинского языка. - Орджоникидзе, 1964. – 104 с.
7. Лермонтов М.Ю. Полное собрание стихотворений. – Л., 1989. – Т.2. – 512с.
8. Цховребова Б.Ф., Зангиева З.Н. Проблема семантического анализа фразеологических единиц современного русского языка/Россия и Европа: связь культуры и экономики: Материалы V межд. науч.-практ. конф. (15 марта 2013 года).– Ч. 1.– Прага: Изд-во WORLD PRESS s r.o. – 2013.– с.139-143.
9. Цховребова Б.Ф. Сопоставительная характеристика функционально-стилистических свойств формул пожелания в осетинском и русском языках. - Владикавказ: Изд-во СОГПИ. 2009. – 111 с.
10. Цховребова Б.Ф. Структурные характеристики речевых формул пожелания: синтаксический аспект. – Издательство СОГПИ. Владикавказ, 2009. – 60 с.

Рецензенты:

Кунавин Б.В., д.фил.н., профессор, профессор кафедры теории и методики преподавания русского языка Северо-Осетинского государственного педагогического института, г. Владикавказ;

Сенько Е.В., д.фил.н., профессор, профессор кафедры теории и методики преподавания русского языка Северо-Осетинского государственного педагогического института, г. Владикавказ.